

«ДЕРЕВЯШКИ»

Очерк

Простим Антону Павловичу нелестные слова о нашем городе. «Скучным» и «нетрезвым» он назвал его, будучи, видимо, не в лучшем расположении духа, и имел в виду прежде всего «социальные язвы». На самом деле дореволюционный Томск был веселым, аккуратным, хорошо пространственно организованным городом, царством разноцветных, крашенных масляной краской деревянных теремов, милых особнячков с мезонинами, резных тесовых ворот.

Прибавьте к этому чистую, в кудрявых тальниках Ушайку, тихий благовест церквей, и вам наверняка захочется убежать из нынешнего переполненного автомобилями железобетонного Томска в чудный городок, по улицам которого в телегах и извозничьих пролетках неторопливо раскатывали наши прадеды. Увы, сегодня от некогда полного жизни города осталось лишь несколько сотен умирающих деревянных «старожилов», которые торопятся поскорее пустить под бульдозер.

Мы говорим прежде всего о дереве потому, что, хоть в губернском Томске и имелось множество великолепных зданий из кирпича, основная застройка, как известно, была деревянной. Она была разнообразной по стилю, этажности, но двухэтажные особняки преобладали. То, что новые строительные технологии вытесняют старые – наверное, правильно, но с гибелью этих домов, с уходом деревянного зодчества умирает не только совокупность конкретных плотницких навыков. В небытие канул целый мир, тысячелетняя строительная и градостроительная культура, знакомясь с которой, невольно начинаешь сомневаться, что научно-технический прогресс – благо.

Из чего Томск делали

Типичный томский двухэтажный деревянный особняк – сложное, грамотно спроектированное строительное сооружение, комфортное, рационально организованное жилье. И если на закате своей искусственно укороченной жизни он получил кличку «деревяшка», то начиналась эта жизнь не в пример веселее – на зимней вырубке в тайге. Именно зимней, чтоб в заготовливаемом дереве не было никакого сокодвижения и интенсивно выделялась смола. Она забивала поры внешней оболочки ошкуренного бревна, как панцирь, защищала его от гниения, рассыхания, прочих воздействий извне. Лес, по крайней мере до конца XIX века, валили только топором – при рубке древесные волокна сминаются и «закрываются», уязвимый для гниения торец сохраняется лучше. Затем собранный из сырых бревен сруб от одного до нескольких лет обязательно выдерживали на просушке и усадке.

– Этот порядок строго соблюдался, передавался из поколения в поколение, – рассказывает главный специалист Сибирского института «Сибспецпроект-реставрация», доцент кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ Евгения Колокольцева. – В результате на строительство Томска шла очень качественная древесина, в основном сосна, реже лиственница – вполне естественный для таежной зоны строительный материал.

Просто, как пирамида

Непосвященный, глядя на треугольные профили египетских пирамид, вряд ли задумывается о том, что это шедевр инженерной и конструкторской мысли. Глядя на ровную стену деревянного сруба, тоже кажется – ничего сложного, выбирай топориком «чашу» и клади бревно на бревно. Глубокое заблуждение. Рядовая томская «деревяшка» – это музей веками совершенствовавшихся строительных технологий, народного плотницкого искусства, ушедшего и забытого сегодня так же, как ушло и забылось в свое время искусство древних строителей пирамид.

Тут все было регламентировано: каким концом (комлевым или вершущечным) куда класть бревно, какой стороной (северной или южной) куда его повернуть, как рубить угол – «в лапу» или «в обло» (с выпуском концов) и так далее. В итоге прочность и долговечность в наши «пирамиды» закладывались поистине «фараоновские». Они могли бы простоять столько же, сколько стоят, например, деревянные храмы в Северной Европе – по 7-8 веков...

– С годами осевший сруб с грамотно подбитой «конопаткой» спаивался в единое целое, и, когда сегодня разбирают для реконструкции некоторые старые дома, рубленные «в обло» углы, сросшиеся в цельный монолит, приходится просто ломать и восстанавливать заново, – говорит Евгения Колокольцева.

Но если дом ещё не достиг почтенного возраста, его можно было легко разобрать, заменить поражённый участок, например, подгнивший венец или балку, и при необходимости перевезти на новое место. У многих томских срубов до сих пор сохранились так называемые гнёзда для подъёма вагами и стрелами, а с помощью специальной подклинки задолго до появления домкратов дом могли безболезненно поднимать до 25-30 сантиметров. Деревянное строение, в отличие от каменного, не теряет целостности даже при серьёзных деформациях – в Томске никого не удивит, например, жилой «деревяшкой», наклон у которой больше, чем у пресловутой Пизанской башни.

Без ГОСТа и ISO

Сам материал, бревно, определял размеры зданий, наиболее ходовой его мерой было 12-15 аршин (8-11 метров) при диаметре около 27 сантиметров. Отсюда « типовые » параметры срубов – 12x15, 15x15, 12x20, 15x20 аршин.

Обычно сруб собирался на ленточный бутовый или сложенный «на сухую» из камней фундамент, в XIX веке уже почти вытеснивший крестьянский способ строительства на деревянных и каменных ступлях. Архаичные крыши с креты-

ми скатами с распространением стропильной системы, которая позволила выдерживать большой груз снега, тоже постепенно заменялись на более пологие. Форма их усложнялась надстройками, башенками, прочими декоративными элементами. Свес крыши для защиты стен от дождя достигал 1,5 метра – проекты «утверждал» местный климат.

Ту же защитную функцию выполняла и обшивка домов, в Томске насчитывалось до пяти ее видов. Современная «новинка» – вентилируемый фасад – оказывается, давным-давно использовалась нашими предками: на вертикальные, нашитые на бревенчатую стену стойки-плахи в свою очередь нашивалась обшивочная доска, которая накладывалась одна на другую в паз. Под карнизом и у фундамента, над так называемой отметной доской, оставлялись щели, через которые шла циркуляция воздуха.

– Обшивка так хорошо защищала стены, что они оставались сухими даже при самом коварном косом дожде и ветре, – рассказывает Евгения Колокольцева. – Она облагораживала дом, придавала ему архитектурную значимость.

Что касается внутренней планировки, то основными помещениями дома были сени, столовая, гостиная, спальня, детская, иногда кабинет. Комната для прислуги, как правило, располагалась рядом с кухней, в первом или полуподвальном этаже, который нередко имел кирпичное исполнение. Имелись хозяйственные помещения – гардеробные, кладовые и т.д. Многочисленные дома эпохи классицизма, такие, как, например, ныне снесенный особняк по Обруб, 6, имели анфиладное расположение комнат (проходные «из двери в дверь»). Было много и других вариантов.

Печь как высокое искусство

Когда в пятидесятые годы пострадал от пожара старинный особняк по Бакунина, 26, рабочие, разбиравшие остатки второго этажа, обнаружили в стенах и межэтажных перекрытиях сложную многоканальную вентиляционную разводку. Она была связана с печной системой и внешними вентиляционными отверстиями, зимой по ней по всему дому разносился теплый воздух от печи, летом – с улицы. Редкое современное здание имеет столь совершенную горизонтальную вентиляционную систему, а такую «крутизну», как полы с подогревом, в век торжества научно-технического прогресса позволяют себе лишь люди состоятельные.

– Хозяева этого дома, видимо, тоже были не бедны, тем не менее, в старом Томске подобные вещи не являлись редкостью, – говорит заведующая кафедрой реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ, доцент Лариса Романова. – Практически каждый деревянный дом имел эффективную вентиляцию всех своих частей – подвала, межэтажных перекрытий, стен.

Существовали правила, соблюдение которых контролировала городская власть: в определенное время года, где-то в июле-августе, вентиляционные отверстия в цоколе открывались, затем, тоже в положенное время, закрывались. Дома, за которыми следили подобным образом, должны были стоять века...

Печь являлась душой всего дома, с деревянным зданием «жила» очень друж-

но, что в совокупности создавало чудесный микроклимат. Печная система, как правило, была довольно сложной, имела многоколенные дымоходы, высокий КПД. Вокруг нее компактно, с учетом законов теплосбережения, выстраивалась внутренняя планировка дома.

– Большие энергоемкие современные здания, подключенные к центральному отоплению, плоские и вытянутые, не могут не иметь серьезных теплопотерь, – объясняет Лариса Степановна. – Старый же деревянный дом имел выгодную в этом плане, близкую к кубу форму и небольшие размеры, рассчитанные именно на печной обогрев.

Чердак для утепления и пожаробезопасности засыпался толстым слоем (18-25 сантиметров) прокаленной на огне земли, из которой выжигалась вся органика и в которой прекрасно сохранялись балки перекрытия. Вскрытые сегодня, столетние бревна при простукивании реставраторов звенят, как стекло...

Если еще прибавить исключительные теплоизоляционные свойства дерева (бревно диаметром 26-30 сантиметров приравнивалось к восьмидесятисантиметровой толщине старой кладки из полусырцового кирпича), то в совокупности томская «деревяшка» представляла собой очень экономичную, сбалансированную энергосистему, отвечавшую самым высоким требованиям теплосбережения.

Почти легенда

Таков краткий перечень функциональных достоинств нашей «деревяшки». Теплая зимой и прохладная летом, абсолютно экологичная и долговечная, она рождалась не на чертежной доске. Веками пестовали ее плотницкие топоры, отсекая все лишнее, шлифуя конструкцию, функциональность, эстетику, к которым лишь в XIX веке приложила руку профессиональная архитектура. Профессионалы облагородили созданное народом, не нарушая монолитности комплекса, составные части которого подгонялись друг к другу столетиями. Это произошло позднее...

Но деревянный Томск пережил XX век. Без труда пережил бы и XXI-й. Однако сегодня его так стремительно хоронят краснокирпичные новостройки, что скоро, боюсь, нам придется рассказывать нашим детям легенды. Были, дескать, когда-то в городе дома без бетонных подъездов и лязгающих железных дверей, и было в них всё по-человечески – легко дышалось, крепко спалось, а под лестницей скрипел сверчок.

Только молодежь нам не поверит.

ПОРТРЕТ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Очерк

Кусочек неба между крышами соседних девятиэтажек, тысячеоконные железобетонные стены вместо горизонта – таковы пейзажи современных городов. Их рисуют новые строительные технологии, растущая плотность населения и не очень умная градостроительная политика. Сто лет назад соотношение этажей и неба было другим: родившиеся до исторического материализма томичи любовались утренними и вечерними зорями совершенно беспешинно.

Знакомый незнакомец

Традиционный образ дореволюционного Томска – по ступицу тонущие в уличной грязи колеса экипажей, полупьяные извозчики да лай цепных кобелей за глухими воротами купеческих особняков. Наверное, было и это, однако, на старых фотографиях мы видим совсем другой Томск: аккуратные дома, строгие перспективы улиц, просторные площади с величественными соборами. Можно узнать знакомые изгибы Ушайки, рельеф Воскресенской горы, здание Второвского пассажа (магазин «Тысяча мелочей») – еще не закатанное в асфальт и бетон лицо родного города, глядящее из глубины времен, с правильными, приятными чертами.

– Застройка Томска девятнадцатого, начала двадцатого века отвечала всем правилам градостроительной культуры, планировка полностью удовлетворяла потребностям городской жизни, – рассказывает главный специалист Сибирского института «Сибспецпроектреставрация», доцент кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ Евгения Колокольцева. – Преимущественно деревянный, город был хорошо пространственно организован с учетом всех санитарных, противопожарных и прочих норм.

За их соблюдением строго следили городские власти, порядок застройки жестко регламентировался. Градостроительная культура, в основе которой лежали традиции народного строительного искусства, усилиями архитекторов-профессионалов воплощалась в конкретной градостроительной политике.

Как «приручали» «красного петуха»

Не случайно к началу XIX века в Томске уже успешно боролись с пожарами – во многом благодаря тому, что выдерживались положенные промежутки (прозоры) между строениями, не дававшие огню распространяться. После пожара дом без особого труда приводили в порядок.

– Смола защищает бревно от доступа кислорода, оно горит плохо, поэтому несущие стены, как правило, страдают мало, – объясняет Евгения Колокольцева. – Обычно огонь повреждает крышу, «внутренности» дома, которые достаточно быстро восстанавливали. В этом смысле у деревянных зданий даже преимущество перед кирпичными и железобетонными: при пожаре в зоне высокой

температуры металл внутренней арматуры отпускается, конструкции той же «панельки» теряют несущую способность и нередко становятся аварийными.

Подтверждение – всем известный памятник деревянной архитектуры по Кирова, 7, в котором располагается Томский музей деревянного зодчества. В 1982 году, уже почти отреставрированный, он пострадал от сильного пожара. Но стены выдержали, и дом был восстановлен.

Дефицитные этажи

На страже неба и простора в Томске столетней давности стояли нормы плотности застройки: в интересах все той же пожаробезопасности деревянные дома выше двух этажей запрещались. С другой стороны, дороговизна земли, особенно в центре, и борьба за увеличение полезной площади жилья делали одноэтажные дома менее предпочтительными. Двухэтажный особняк стал основой городской застройки.

Однако порой зодчие «шалили». Все тот же особняк по Кирова, 7 вроде бы выглядит двухэтажным, но на самом деле имеет третий «замаскированный» этаж – мансарду. Так известный томский архитектор Андрей Дмитриевич Крячков, спроектировавший и построивший этот дом для себя в начале XX века, обманул существовавшие в то время запреты.

Но мансарда, грубо говоря, приспособленный под жилье чердак, более характерна для западной архитектуры и в России, особенно в Сибири, приживалась плохо, отапливать ее в холодное время года неэкономично. Для русского классицизма типичен мезонин – капитальная надстройка над средней частью жилого дома. Это тоже увеличение жилой площади без увеличения этажности, в старом Томске таких домов было немало.

Помимо функционального назначения, мезонин имеет и эстетическое. В томском деревянном зодчестве, где представлены классицизм, модерн, эклектика и другие стили, такую же двойную нагрузку несли веранды, балконы, эркеры и тому подобные элементы конструкции. Ими оживлялась сама по себе не очень выразительная, близкая к кубу форма типичной томской двухэтажки. Одним из распространенных сочетаний, например, являлся парадный вход, над которым располагались балкон или веранда. Красиво, удобно, над крыльцом не надо делать козырек. Нет ни одного декоративного элемента «просто для красоты», эстетика и функциональность слиты воедино.

Ячейка города

Еще лет тридцать-сорок назад в старых томских двориках где-нибудь на Елани, Уржатке или Воскресенской горе можно было увидеть странные сараи – из потемневших от времени бревен, иногда с пристроенными галереями-навесами, украшенными резьбой. Одряхлевшие, но все еще солидные, среди железных гаражей и прочих построек нового времени они выглядели, как пришельцы из другого мира, и мы, ребяташки, игравшие рядом, инстинктивно чувствовали к ним нечто вроде уважения, смешанного с легким страхом. Тогда мы, конечно,

не знали, что это действительно пришельцы из другого, безвозвратно ушедшего мира старинных томских усадеб, когда-то бывшие амбарами, каретниками, конюшнями... Точнее, последние аборигены этого мира среди «пришельцев» нового города.

По всему белому свету славятся томские деревянные терема, но почему-то мало говорится о том, что они ставились не сами по себе, а являлись частью единого целого – усадьбы. Планировка томской усадьбы, как первичной ячейки-материала, из которого строился город, во многом определяла и его собственную планировку. Сам особняк обычно фасадом выходил на улицу, а все хозяйственные постройки и прочее, включая огороды, располагалось позади и стыковалось с такими же хозяйственными соседней улицы. Внешне, по периметру вполне респектабельный квартал, таким образом, имел хозяйственную сердцевину, был компактно и удобно организован.

Большинство томских усадеб трудно назвать великосветскими, зато они имели все необходимое для полноценной хозяйственной жизни.

– Обычно это 2-3 флигеля для прислуги, амбары, каретники вместо нынешних гаражей, называвшиеся ледниками погреба, сараи, конюшни и прочее, – говорит заведующая кафедрой реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ, доцент Лариса Романова. – В этом выработывавшемся веками комплексе не было ничего лишнего. Все вплоть до простого воротного кольца-щеколды было функционально и в то же время красиво.

Вход в сам особняк часто делали не с улицы, а со двора, и это кольцо являлось посредником между шумной мостовой и обособленным, за высокими воротами, миром усадьбы, в котором шла своя размеренная жизнь. Сегодня нам, обитателям панельно-кирпичного, задыхающегося от автомобилей Томска этой жизни можно только позавидовать. Увы. Если сами особняки еще стоят, то от старинных усадеб не осталось практически ничего...

Ползучее забвение

Таковы лишь некоторые черты архитектурного облика старого Томска, города, соединявшего народные традиции деревянного зодчества с принципами европейской градостроительной культуры. Чем пристальнее вглядываешься в этот облик, тем отчетливее понимаешь, какого масштаба явление кануло в Лету. Прошлое не вернуть, и тот глядящий на нас со старинных фотографий город уже не восстанет из пепла времени. Не зазвонят колокола взорванных храмов, не проткнут просторное небо шпили и башенки снесенных деревянных теремов. Нам остается лишь попытаться спасти остатки того, что еще не успели поглотить панельные и краснокирпичные дома. Ведь под снос идут не «деревяшки». Под снос идет наша память.